

Игорь Джерри Курас в бостонском книжном магазине «Books & Arts»

*Недавно в редакцию журнала «Этажи» пришло письмо от школьницы, ученицы социально-гуманитарного профиля Московской школы №1564 **Анастасии Сумеди**. Насте очень хотелось попасть в журнал на стажировку, чтобы «получить необходимый опыт, попробовать себя в различных гуманитарных сферах, определиться с профессиональным направлением и открыть для себя новые горизонты». Я восприняла такую просьбу как предложение помощи — нам действительно нужны журналисты-волонтеры, люди неравнодушные к литературному процессу, желающие помочь журналу. Помните себя в школьные годы? Силы и энтузиазм необъятны, а применить негде. Постоянный поиск себя и своего пути, а как попробовать? Так что, наверное, Настя была удивлена моим стремительным ответом, но наше сотрудничество для меня стало очевидным: нам нужна помощь, Насте нужен опыт. Первое задание — сделать интервью. Я объяснила ситуацию нашему редактору отдела поэзии **Игорю Курасу** (с которым мы познакомились как раз благодаря интервью, он был одним из первых моих героев-собеседников, когда я сама только начинала свой журналистский путь) и предложила ему снова стать подопытным героем. Игорь ответил, что ему невероятно интересно побеседовать с московской школьницей — чем сейчас живет молодежь, что читает, кого ценит. Вот так и получилось это интервью, беседа двух людей разных поколений, проживающих с двух противоположных сторон Земного шара (Москва – Бостон), но объединенных общей культурой и интересом к русскому языку.*

*Главный редактор **Ирина Терра***

Журнал «Этажи» мне был известен давно, и я всегда мечтала не только попробовать себя в роли журналиста и использовать свой литературный олимпиадный опыт — я горела желанием поучаствовать в реальной работе журнала, окунуться в его микромир.

Я была счастлива и удивлена одновременно, когда, обратившись к редакции журнала с просьбой взять меня на стажировку, я получила положительный ответ, и мне поручили первое ответственное и интересное задание — интервью с Игорем Джерри Курасом, одним из основателей журнала, редактором отдела поэзии, поэтом и писателем. У нас получился разговор, в котором переплелась поэзия и проза, аллюзия и реальность, литература и жизнь.

Игорь влюблен в музыку с детства. Он превращает музыку в слова. Я услышала это в тех его текстах, которые мне удалось прочесть. Удивительно: это музыкальное вдохновение я почувствовала и в его речи. Необыкновенно приятно слышать его рассуждения, полные сравнений и культурных аллюзий, восклицаний и ноток творческой самобытности... Игорь Курас рассказал о своих первых стихах, о жизни в США, о «технологии» рождения стихотворения и, в целом, о своем взгляде на литературный процесс. И мне посчастливилось ответить на несколько его вопросов. Диалог поколений, связь времен — вот эпитафия к нашему разговору.

У вас в стихотворении «Те, кто платит мне деньги за мой непутевый труд...» звучит образ пассажира, попутчика. Насколько я знаю, сейчас вы живете в США. Скажите, вы считали себя «яростным попутчиком» России, говоря есенинскими строчками? Что заставило вас уехать? Набоков, например, отвечал в интервью, что никогда не вернется в Россию. Ведь вы не теряете контактов с Россией, ведете русскоязычный журнал... Почему вы не здесь?

Я никогда не был «яростным попутчиком» России. Хотя мне пришлось помогать по её дорогам и походить по её шпалам. Особой какой-то привязанности к России у меня никогда не было. Но вот русская мелодика (через Чайковского, наверное, и Рахманинова) ощущается мной, как родная. Скажу так: для меня был очень важен Ленинград. Это была моя Россия.

У меня нет никаких личных установок, как, скажем, у Набокова или Бродского, никогда не приезжать в Россию. Сложится так, что смогу приехать — с удовольствием приеду. Почему нет?

Мне интересна Москва — там сейчас происходит много разных культурных событий, на которые я хотел бы посмотреть (в которых я хотел бы принять участие). Мне очень интересен Петербург («У меня еще есть адреса,/ По которым найду мертвецов голоса.»). Там, в братской могиле на Пискаревском мемориальном кладбище лежит мой дед по материнской линии. Он умер в блокаду в 1942-м году прямо у станка. Там есть друзья, с которыми я с удовольствием встретился бы. Какой-то установки этого не делать у меня, повторюсь, нет.

Наверное, это счастье — прожить в гармонии с самим собой в одном месте: пригодиться там, где родился. Но у меня так не получилось. Жизнь сложилась иначе: её пришлось начинать сначала в довольно зрелом возрасте. И я, на самом деле, не жалею об этом. Решение, принятое четверть века назад, с каждым годом кажется мне всё более правильным, разумным. Оно дало мне, моим детям (а теперь и внукам) такие возможности, которые, скорее всего, ни у меня, ни у них не случились бы, если бы я не уехал.

Мне вообще всё больше и больше начинает казаться, что вот эти «там», «здесь» — они скоро совсем потеряют смысл. Уже сейчас связь с любой точкой Земли мгновенна. Я могу участвовать в литературном процессе Москвы, находясь в Бостоне. Я могу «в прямом эфире» читать по скайпу стихи для аудитории, находящейся в московской библиотеке. Российские поэты читают по скайпу «на Бостон», а в клубе «Бостонские чтения» мы их слушаем. Я заказываю книги в России и они приходят за три-четыре дня. Разрыв «здесь» и «там» стал минимальным. Он есть, но он уже вполне «терпим» и совершенно несоизмерим с тем, что было у Первой или Второй волны эмиграции.

Почему я «не здесь»? Ну я как бы «здесь», находясь «там». И как мне (наивно-му) кажется, я даже пользу какую-то приношу: я содействую публикации произведений сильных авторов; я участвую в работе над очень интересным проектом, объединяющим русских литераторов во всех уголках планеты; я один из тех, кто производит вполне себе приличный и востребованный продукт (как сейчас говорят). И всё это без отрыва от моей американской жизни. По-моему, это классный вариант.

В ваших стихах часто возникают мотивы одиночества и пустоты. Вы пишете о невозвратимости прошлого, о разрушенном мире счастья, невозможности вернуть этот мир: «...и теперь растроченный каждый миг / Невозможно вернуть или выдать за черновик...» С чем вы связываете такое поэтическое настроение? Ведь размышления о времени, одиночестве требуют глубинных переживаний?

Любые стихи — это следствие глубинных переживаний. Те мои тексты, в которых «возникают мотивы одиночества и пустоты» — они, как правило, обращения к самому себе. Одиночество ведь бывает разным, и даже человек, окружённый со всех сторон друзьями и родными, может сам по себе быть очень одиноким. Я осмелюсь даже предположить, что умный человек не может не испытывать этого внутреннего одиночества, которое обусловлено пониманием своей смертности, индивидуальности и собственной боли (боли, которую можешь пережить только ты — и никто не поможет, не выпьет эту чашу за тебя). И вот эти глубинные переживания, как вы их правильно назвали, они и появляются в стихотворениях «для себя». И в таких текстах, несомненно, будет превалировать тема смерти, пустоты, одиночества, потери. И она не будет там ради жалости или

понимания её другим человеком. Она будет там так же естественно, как бывает крик от боли, слёзы от горя, ужас от безысходности.

Я как-то говорил, что стихи похожи на жемчужину в ракушке. Моллюск создаёт жемчужины, когда в ракушку попадает песчинка и делает ему больно. И вот, вокруг этой песчинки моллюск создаёт жемчужину, чтобы стало легче ему самому. Его совсем не интересует цена на жемчуг — он понятия не имеет, что создаёт жемчуг и что этот жемчуг кому-то нужен. Ему просто легче теперь, когда он превратил острую песчинку в гладкую жемчужину.

А видите ли вы жемчужины среди поэтов XXI века? Правда ли, что в современной поэзии вы видите только несколько «могучих кучек» из всего «горного массива» литературы? Есть ли среди современников какой-нибудь Эверест?

Я сразу скажу, что не буду называть имён. Мне это просто по должности редактора нельзя делать.

Среди поэтов XXI века, несомненно, есть люди, чьи тексты мне интересны. Многих из них мы и печатаем в журнале. Да, несколько лет назад я говорил что-то о «горном массиве», в котором отсутствуют «пики» и нет «Эвереста». Я по-прежнему считаю, что «Эвереста» сейчас нет, но несколько весьма серьёзных вершин всё же есть. Есть поэты-современники, у которых мне хочется учиться и, прочитав стихотворения которых, я ловлю себя на мысли, что хотел бы быть автором этого текста.

Ну и ещё есть такой странный эффект, когда поэта по-настоящему начинают ценить только после его смерти. Трудно разглядеть «Эверест» в живом человеке. Когда человек уходит, что-то меняется с его текстами. Они становятся более отчётливыми, а высота автора становится более явной, очевидной. Разумеется, я желаю всем моим современникам как можно дольше не достигать этого эффекта и не переставать радовать нас своими текстами.

Когда для вас началась поэзия? Что дало вам стимул писать и публиковать стихи?

Первые стихи, как мне кажется, я слышал от своей бабушки в очень раннем возрасте. Моя бабушка была умной (я бы даже сказал мудрой) женщиной, но не получила практически никакого образования. Она работала продавцом фотоаппаратов в Ленинграде, по-моему, в «Пассаже», но я застал её уже пенсионеркой. Вместо колыбельных она пела мне стихи Есенина: «Клён», «Письмо матери (ты жива еще, моя старушка)». Это всё было частью моего самого раннего детства.

В двенадцать я стал читать пьесы Лопе де Вега — по-русски, разумеется, в переводах, полагаю, Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник. Это произвело на меня большое впечатление — не сами даже пьесы, а то, что вот, оказывается, можно так много слов срифмовать и уложить в ритм — и что это получалось не у одного Пушкина или Лермонтова. Всё остальное, связанное с поэзией, было в рамках школьной программы. Не более.

В детстве я много занимался музыкой. Под занятиями я понимаю не только и не столько игру на скрипке (я учился в музыкальной школе), но и общение с дедом-виолончелистом, который рассказывал мне огромное количество музыкальных историй; посещение концертов (мне кажется, что мне покупали все абонементы, которые вообще можно было тогда купить: я ходил на концерты, балеты и в оперу постоянно); прослушивание пластинок симфонической музыки (у отца была неплохая коллекция, часть которой я даже взял с собой в Америку).

Я думаю, что поэзия по-настоящему началась для меня именно с музыки. Когда лет в четырнадцать я прочитал у Пастернака «Годами когда-нибудь в зале концертной» и «На даче спят (Вторая баллада)» и услышал музыку! Вот это открытие — что музыку можно «сделать словами» — было невероятно важным для меня. Ведь музыка требовала усердия и кропотливой работы. Выразить себя в музыке можно было только путём упорного труда. А складывать слова, как мне казалось тогда, гораздо проще. И поэтому, когда я увидел, что словами можно сделать музыку — когда я увидел это у Пастернака — я начал пытаться делать это сам.

Что касается «публиковать», то об этом тогда просто не было и речи. То есть не было речи настолько, что даже и мысли такой не было. Где-то в пятнадцать лет я начал узнавать о легендах ленинградского андеграунда. Начал впитывать эту интереснейшую субкультуру. И вот неписанным правилом этой субкультуры было понимание того, что «писать» и «публиковать» — это понятия, которые могут быть разнесены на годы.

В моём случае, первая публикация у меня случилась, когда мне было уже сорок пять — т.е. через лет тридцать после того, как я начал писать какие-то осмысленные стихи.

Ваш поэтический стиль напомнил мне звучание камерного оркестра. Вы почувствовала музыку в ваших стихах, как когда-то вы — в Пастернаке. Вы часто прибегаете к кольцевой композиции и рефренам в последних строках, будто расставляя финальные точки над самыми значительными словами. С каким инструментом, музыкой у вас ассоциируются ваши стихи? Вы играли на музыкальном инструменте, подобно дедушке?

Что касается инструментов, то я занимался на скрипке, на очень любительском уровне играю на фортепиано и гитаре, но уже много лет я «потребитель» музыки. Я слушатель, а не исполнитель. И вот эта возможность слушать, понимать, любить и ощущать всей душой хорошую музыку — то, что мне удалось с годами по-настоящему в себе развить — это самая громадная моя удача в жизни.

Мне кажется, что в моих текстах особую роль играет виолончель. А она там иногда в прямом смысле играет — я упоминаю этот инструмент во многих своих текстах. Видимо, потому что с этим инструментом связано моё детство. Никогда не забуду: совсем ещё маленьким ребёнком я слушал, как репетирует в своей комнатухе — в огромной коммунальной квартире на Свечном переулке

в Ленинграде — мой дед. Представьте себе такую картину: дед в шароварах и в какой-то гимнастёрке, в тапочках с меховой опушкой «разыгрывается» Первой виолончельной сьюттой Баха, пока в коридоре соседка Нюра кричит на соседку Дашу. Запахи кухни, чужой жизни, плохого табака и дешёвых духов. И вечный запах каких-то капель «для сердца», который всегда был в комнате. И над всем этим парит Бах, само имя которого для русского уха звучит почти как Бог.

И ещё, наверное, потому что звук виолончели наиболее близок к человеческому голосу. Армянский дудук и виолончель, на мой взгляд, самые «очеловеченные» инструменты.

Мне хотелось бы думать, что мои стихи ассоциируются с Концертом для виолончели с оркестром. Скажем, Элгара или Дворжака.

В ваше стихотворение «Как странно вышло все, как весело сошлось...» включено, как мне показалось, некое рассуждение над маленькой трагедией Пушкина «Моцарт и Сальери». Если немного обратиться к литературоведению, то насколько для вас важны такие аллюзии (в данном случае) к Пушкину и обращение к цитатам других поэтов?

Да, вы правы — в этом стихотворении много аллюзий к Пушкину, к «Моцарту и Сальери». И не только в этом тексте, но во многих других моих текстах большое количество цитат и аллюзий. Я убеждён, что современный литературный текст только выигрывает от умелого их использования.

В музыке, например, цитаты совершенно никого не удивляют. Если взять любую симфонию Шостаковича, всегда можно указать в ней на ту или иную цитату, усиливающую выразительность авторского замысла. В симфониях Малера есть и цитаты, и пародии, и самоцитаты, и даже самопародии. Во времена Моцарта использование цитат из музыкального текста коллеги считалось данью уважения. Т.е. музыка это знает и не боится.

Стихотворение рождается странным образом. Сначала оно где-то внутри тебя — ты почти физически ощущаешь его биение внутри себя. Вот нет ещё ни слова, ни строчки (или какие-то строчки уже крутятся, но пока не связываются вместе), но ты точно знаешь, что оно зреет внутри, что у него уже есть пульс. Потом ты начинаешь это биение, этот пульс пытаться передавать словами. Я отношусь к словам как к звукам, поэтому для меня это процесс передачи пульса, биения внутри меня — звуками языка. Вот это чередование звуков, эта просодия, способная передать, записать моё внутренне дыхание, и есть, как мне видится, поэтический текст. И если цитата или аллюзия усиливает этот текст, то почему от неё нужно отказываться? Главное, чтобы не отказал вкус, не отказал слух. Но, опять же, так ведь и со всем остальным в поэтическом тексте. Цитата, аллюзия — просто один из «кубиков» в этом построении.

У меня есть стихотворение про детство, про моё восхищение Гагариным (восхищение, без которого невозможно было быть мальчишкой в 60-х), и я специаль-

но попробовал использовать в этом стихотворении рифмы «под Вознесенского» — не очень явно, но где-то ощутимо, чтобы это на каком-то подсознательном уровне вызывало у читателя аллюзию к 60-м годам. Т.е. это может быть аллюзия не только к тексту, но и к методу, к форме.

Хочется продолжить с вами разговор о «технологии» стихотворения. В одной из заметок вы писали о нецелесообразности отказа в поэзии от такого сильного оружия, как пунктуации. А мне сразу вспоминается делавший так в XX веке П. Целан (в «Фуге смерти» достигается ощущение бормотания, потока сознания) или те же футуристы. Сейчас в сети можно найти огромное количество стихов без знаков препинания вообще. Словно это становится «стилем» поэта. Иногда, когда я читаю такие стихи, мне это кажется нецелесообразным, режущим глаз. В каких случаях, по-вашему, пунктуация в текстах должна быть сохранена, а в каких — нет?

Тут, как мне кажется, нет никаких чётких законов. Автор должен слушать сам себя: ведь, как объяснил нам пушкинский Импровизатор, поэт пишет «не спросясь ни у кого». Каждый сам выбирает свою «технологию». Мне пунктуация нужна — даже необходима. Мне нужно передать моё внутреннее дыхание, и пунктуация тут мой помощник, а не враг.

Да, у Целана в «Фуге смерти» нет пунктуации. Кроме всего прочего, в этом стихотворении мне слышится аллюзия к «Песни песней» царя Соломона. А ведь в древнееврейских библейских текстах нет пунктуации. Там обозначается только конец предложения, фразы. Но, кстати, на русский язык эти тексты переводят с полным набором запятых, тире и двоеточий.

Важно, чтобы использование приёма (а нарочитый отказ от приёма — это тоже ведь использование приёма) не вступало в конфликт с замыслом произведения, с самим текстом.

Так ведь не только с пунктуацией. Любой приём хорош только тогда, когда он органичен. Люди, которые плохо знают, что такое поэтический текст, часто обращают внимание на рифмы. Им обычно нравятся точные составные рифмы. А вот, скажем, глагольные рифмы кажутся им слабыми. Но рифму невозможно оценить вне текста. Часто прекрасная составная рифма ощущается в тексте чужеродной. Снижает искренность повествования. А вот слабая рифма наоборот повышает душевность текста. Вот возьмите, например, стихотворение «Tristia» Мандельштама — возможно, лучший поэтический текст на русском языке. Там довольно слабые рифмы. В каждой строфе есть глагольные рифмы типа «лежит-глядит» или уже совершенно избитые к 1918 году рифмы типа «очи-ночи». Но текст-то великий!

Все эти своды законов «надо так, надо этак» — они не имеют особого значения. Надо так, чтобы получилось не слишком уж хуже, чем у Мандельштама.

На портале Стихи.ру любой желающий может сделать публикацию. Но поэтические тексты простому читателю-пользователю бывает сложно отличить от графомании. Что делать читателю с таким морем текстов? Как найти в сети действительно необычные, «сильные» стихи?

Вы совершенно верно заметили, что «поэтические тексты простому читателю-пользователю бывает сложно отличить от графомании», но читателю, который входит в группу ценителей поэзии — в этот сектор «потребителей серьёзных поэтических текстов» — сделать это гораздо проще. Этим людям нисколько не мешает общий поток или даже шквал текстов и онлайн-публикаций на разных порталах или в соцсетях.

Вот посмотрите, например, на фотографию как на искусство. Совсем ещё недавно фотограф должен был обладать огромным запасом знаний: от оптики до химии. У него должен был быть дорогостоящий фотоаппарат. Он был Мастер. Сейчас время изменилось, и практически у каждого человека в руках есть телефон с прекрасной камерой, а программы, которые делают фотографию более «художественной», могут сделать больше, чем любые старые светофильтры и все премудрости с химической обработкой плёнки или бумаги. Но при этом, художественная фотография как искусство не умирает! Для тех, кто понимает, всё равно сразу же ясно, где Мастер, а где просто человек, умеющий нажать на виртуальную кнопку в телефоне. Потому что, в конечном итоге, дело не в том, что ты можешь сделать снимок (теперь это может сделать любой), а в том, что ты можешь своим снимком зацепить душу зрителя. Т.е. самое главное, что делало фотографию художественной, осталось неизменным.

Так и с литературой, где видимая доступность и лёгкость того, что может сделать простого человека поэтом, это, в сущности, самообман. Если у тебя нет слуха, вкуса, мастерства — если тебе нечего сказать, если то, что ты говоришь — скучное банальное повторение чего-то — если твои попытки эпатажа, скажем, смешны тому, кто видел всё это в гораздо лучшем исполнении — никакие свободные порталы тебе не помогут заполучить внимание тех, кто понимает.

Ну а те, кто ищет необычные «сильные» стихи, могут довериться вкусу редакций журналов — начать поиск интересного текста среди того, что уже прошло предварительный отбор редколлегии. Если этот отбор профессиональный и честный, ему можно доверять.

Говоря о литературных журналах, хочется коснуться и журнала «Этажи». А вы можете рассказать о том, как вы начали сотрудничать с этим литературным журналом? Как долго вы работаете в нём?

Ну, учитывая то, что я один из основателей журнала «Этажи», я начал сотрудничать с ним ещё до того, как он появился на свет. Журнал был создан Ириной Террой и вашим покорным слугой после долгих обсуждений концепции журнала и ещё более долгих поисков удачного названия. После трёх месяцев поиска

и сотни названий, мы, наконец, остановились на этом прекрасном слове «Этажи». А ведь как корабль назовёшь, так он и ошвартуется! Похоже, что название было правильным, потому что у нас уже 14 этажей — т.е. уже полноправная многоэтажка — но мы надеемся, что журнал вырастет в высоченный небоскрёб!

Вы, насколько я знаю, пишете и прозу, и стихи. А сейчас кем вы себя больше ощущаете: поэтом, прозаиком, редактором или кем-то еще?

Никем. Я понимаю, что очень многие поэты или писатели знают про себя, что они поэты или писатели. Живут жизнью поэтов и писателей — несут эти звания по жизни, как медаль. Я очень хорошо это понимаю и считаю это правильным. Но у меня всё почему-то иначе. Я просто живу и иногда пишу тексты. Порой эти тексты ложатся стихами, а порой — прозой. Литератор — он как Форрест Гамп. Вот он бежит куда-то и сам не знает куда и зачем. А читатели — это те люди, которые бегут за ним и думают, что Форрест им что-то должен. А ему надоело бегать и он пошёл домой под недоумённые возгласы читателей. И ему всё равно, что об этом думают другие.

Самые мои близкие друзья никогда не говорят со мной ни о моих стихах, ни о моей прозе. И меня это нисколько не обижает: они видят во мне собеседника, собутыльника, современника — и замечательно. Признаюсь, меня немного корбит, когда кто-то, представляя меня незнакомым людям, говорит, что я поэт. А вдруг нет? Это ведь такое тонкое дело. Вот это классическое «А кто вам сказал, что вы поэт?» я часто сам себе задаю. И часто у меня нет ответа на этот вопрос. Наверное, это, всё же, неправильно. Когда я был совсем юным, я немного пообщался с литераторами ленинградского андеграунда. И для них литература была религией. Человек был полностью погружён в литературу. Вот эти мои слова для людей того поколения прозвучали бы наверное святотатством.

Что касается моей редакторской работы, то я, по сути, никакой не редактор. Я ничего не редактирую. Я просто читаю подборки, и если мне нравится — я рекомендую их редакции. Получается, что я не редактор, а, как теперь говорят, ридер.

Мне кажется, что я ощущаю себя человеком своего поколения, своего времени — с некоторыми странностями, которые, впрочем, есть у всех.

Вы говорите, что для поэтов ленинградского андеграунда литература была религией. Интересно, есть ли подобное в Америке? Ценят или обсуждают там русскую литературу?

Конечно русскую литературу ценят. Издаются переводы: и классиков, и современных авторов. Здесь роман, переведённый на английский язык, уже как бы сразу родной. Тут разделение на своё-чужое как раз менее заметно, чем это было в моём детстве, когда мы изучали русскую и зарубежную литературу. Достоевского читают. Гоголя. Толстого, конечно. Солженицына. Чехова ставят в театрах

довольно много. У меня дома переводы очень многих русских литераторов: и Пастернака, и Платонова, и даже Венедикта Ерофеева.

Ну и конечно русская литературная жизнь Америки (и Канады) — она сама по себе довольно яркая, интересная. Здесь живут русские литераторы, чьи вечера проходят почти каждую неделю. В Бостоне есть клуб «Бостонские чтения», хозяйка которого — очень интересный и любимый мною писатель Анна Агнич. Есть и прекрасный русский книжный магазин, где читают почти каждый четверг. В Нью-Йорке постоянные чтения (и в культовом «Самоваре» у Романа Каплана, и в других прекрасных местах). В Торонто есть великолепный клуб «Удивительная кошка». Можно, наверное, даже написать большой путеводитель по литературным клубам Северной Америки.

Мне часто говорят москвичи, которые тут побывали, что вот у вас здорово, но, всё-таки, на чтения ходит очень мало людей и почти нет молодёжи. Да. Это правда. Но я посмотрел видео с московских чтений в различных библиотеках, и в Москве тоже приходят те же 50 человек (молодёжи, правда, побольше чем у нас). Но это ведь огромная Москва, а не скажем, микроскопический «русский Бостон». В процентном отношении у нас получается точно не меньше. А с молодёжью — да, проблемы. Русская молодёжь уходит в английский язык. За нами как бы никого нет. Мы это часто обсуждаем. Если не будет какой-то новой неожиданной подпитки культурных людей, говорящих по-русски (какая-нибудь новая волна эмиграции людей из России), через 30 лет тут, наверное, ничего уже не останется от нынешней русской культуры.

Вот мне интересно, Настя, чем сейчас увлекается московская молодёжь, «племя младое, незнакомое» для меня? Какими стихами живёт это племя? Что читает? Что считает интересным для себя? Наше поколение зачитывалось поэтами серебряного века. Важна ли их поэзия для вашего поколения?

У нас тут (у русских поэтов моего поколения и старше, живущих в Америке) общее мнение, что мы совершенно вам не нужны. Правы ли мы?

Я не берусь отвечать за целое поколение — отвечу за себя.

Это довольно сложный вопрос, ведь сейчас поэзией мало кто живет. Вообще кажется, что среди «младого поколения» сам навык чтения и понимания лирики потихоньку теряется. Но, конечно, не до самого конца! Удивительно, но я думаю, что традиция читать поэтов Серебряного века очень даже жива. На стихатниках, поэтических вечерах, собраниях литераторов часто звучат именно они. Мы так же увлечены Маяковским, Цветаевой, Ахматовой, Блоком. Совсем недавно, помню, мой друг ни с того ни с сего вскочил на стул и стал читать Есенина... Так что благодаря этой бессмертной поэзии не прерывается негласная связь поколений.

Но всё-таки всё больше и больше слышится поэзия конца XX века. Это и шестидесятники, и те, кто шли за ними. Ведь это закономерно: мы тянемся

к современности. Но тенденция здесь немного другая: читать именно отдельных личностей — Бродского, Аронзон, Пригова... Ведь главная проблема увлечения поэзией сейчас — та растерянность, о которой мы говорили. Глаза разбегаются: «под бременем сомненья» трудно выделить главное. Каждый поэт — это новая искра, открытие. От поэзии, тем более от современной, трудно чего-то ожидать, а с прозой так происходит реже. Поэтому мало кто решается окунуться в бездну лирики. Но с уверенностью могу сказать, что нас притягивает что-то экспериментальное... то, что помогает приблизиться к истокам современной поэзии.

Я, например, увлеклась поэтами 80-90х — концептуалистами и, в особенности, метареалистами. Привлекли не тезисы, а какой-то иной, ранее не проскальзывавший, строй стихов. Метаболы и их сочетания — это сложный, но манящий горизонт. Странно, но именно разбираясь в текстах Седаковой и Жданова, я наконец-то почувствовала понятие «читатель-соавтор». Метаметафористы для меня до сих пор нечто удивительное.

Увы, мы действительно редко о вас слышим... По крайней мере, в моих кругах это так. Может, это проблема расстояний (хотя вряд ли) или интереса... И эту ситуацию не только важно, но и любопытно изменить!

Младому племени нужно то, что способно его удивить (это сложно из-за его вовлеченности в огромное медиапространство), стереть скептицизм и порвать со штампами. Надо убедить, что открытия — это интересно. Да, это абстрактно, но для меня это стержень, основа.

Обычно новые личности встречаются нам в заданиях, упражнениях. Но есть и другой путь (тот, о котором мы с вами говорили) — распространять творчество в Интернете. Заинтересованность приходит не только с доступностью текстов, но и с четкостью их классификации, отобранности, что ли. Поэтому набирающий популярность метод — не публикация, к примеру, в огромном Стихи.ру, а личный блог, паблик или проект в соцсетях. Вообще соцсети — идеальная возможность максимально приблизиться к молодой аудитории. Мне это видится так.

Часто мы просто не подозреваем о существовании прекрасных поэтов, да и прекрасных людей вообще. И я очень счастлива, что мне открылись новые горизонты — вместе с журналом «Этажи».

*Беседовала Анастасия Сумеди,
Москва – Бостон, июнь 2019*